

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9. Тел. 1--20-85.

№ 23.

23 Июня 1922 года.

№ 23.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: „Уголовный Кодекс и „Руководящие Начала по угол. праву РСФСР“—*Эстрин*. „К вопросу об ударных задачах органов юстиции“—*Сорокин*. „Земельное и налоговое законодательство „Нэп“а и практика работы на местах“—*Козлов*. „К вопросу об ответственности за погромы“—*Афанасьев*. „Обзор советского законодательства за время с 4-го по 10-е июня 1922 г.“—*Аронович*. „Правые эс-эры перед судом пролетариата“—*З-цев*. Суд и жизнь: „Владимирские впечатления“—*Ростовский*. Дискуссионная страница по применению Уголовного Кодекса: „О видах преступлений, не указанных в Уголовном Кодексе“—*Длюшков*. Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. Практика Высшего Судебного Контроля. Хроника: На местах.— За рубежом.—Почтовый ящик.—Официальная часть.

Уголовный Кодекс и „Руководящие Начала по угол. праву Р. С. Ф. С. Р.“*)

Определение основных понятий в общей части Кодекса и в „Руководящих Началах“.

Как явствует уже из сказанного нами в предыдущей статье, и Кодекс и «Рук. Начала» имеют отправной точкой одно и то же (в основном) понимание задачи уголовной репрессии. Сообразно с этим, и понятие преступления определяется ими совершенно одинаково. Кодекс лишь с редакционной стороны улучшил определение, даваемое «Рук. Началами», ибо ст. 6 Кодекса сразу дает нашим судам ответ на вопрос, что признается преступлением в Советской Республике, а такой же точно ответ из «Рук. Начал» мы можем почерпнуть не иначе, как путем сопоставления двух статей—ст. 5 и начала ст. 6, определяющих преступление формально, т. е. так, что это определение одинаково применимо и к буржуазному, и к пролетарскому строю,—со статьей 3-й, содержащей определение советского уголовного права по существу.

Но даже и эта разница в редакции имеет свое значение, ибо редакция Кодекса устраняет ту, непоследовательность, которую при желании можно было бы усмотреть в «Рук. Началах» благодаря тому, что ст. 27 «Рук. Начал» (о пространных действиях уголовного права) устанавливает наказуемость, без каких-либо изъятий, также и «граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступления на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР». Ведь, преступление статьей 5 «Рук. Начал» определено, как «нарушение порядка об-

щественных отношений, охраняемого уголовным правом»; «Рук. Начала» отдельно раскрывают содержание уголовного права, вообще, в том числе и буржуазного (ст. 2) и советского уголовного права (ст. 3), но как-раз в ст. 27 упоминается о лицах, «уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления» (на иностранной территории), где, конечно, действует уголовное право в смысле ст. 2. Выходит, что пролетарское государство как бы берет на себя преследование и нарушителей права буржуазных государств, если они уклонились от суда своего буржуазного государства и попали в РСФСР. Конечно, против такого понимания ст. 27 можно с правом выдвинуть аргумент, что ст. 27 устанавливает применение ко всем упомянутым в ней лицам уголовного права РСФСР, охраняющего только «систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся». Остается все же фактом двойственность смысла ст. 27 «Рук. Начал». Уголовный Кодекс содержит более выдержанную и продуманную постановку вопроса о пределах действия Кодекса. Ст. 2 Кодекса распространяет его действие на граждан РСФСР «и в том случае, когда преступные деяния совершены ими за пределами Республики», разумея под преступными деяниями именно преступления в смысле ст. 6 Кодекса, ибо иных преступлений Кодекс и не знает. Что же касается иностранцев, то из них под действие Кодекса попадают лишь совершившие вне пределов Республики «преступления против основ государственного строя и военной мощи РСФСР» (ст. 3). Советская Республика вовсе не имеет намерения охранять аппаратом своей репрессии правопорядок какого-либо буржуазного государства. Это толко-

*) См. № 21—22 „Еж. Сов. Юст.“

вание, которое само собой очевидно из сопоставления статей 2 и 3 Кодекса, должно привести нас также и к тому выводу, что не всякое деяние, хотя бы оно и имело в себе состав, предусмотренный какой-либо статьей Кодекса, подлежит наказанию, если совершивший его за границей гражданства РСФСР предстанет затем пред пролетарским судом. Наш суд обязательно должен будет поставить перед собой вопрос, не вызвано ли данное деяние такими условиями буржуазного строя, влияние которых в РСФСР отпадает или, по крайней мере, нейтрализуется, почему совершивший его и не угрожает в дальнейшем нисколько правопорядку, установленному в рабоче-крестьянской России. Особенно это относится, конечно, к имущественным преступлениям (глава VI Кодекса).

Некоторое улучшение в формулировке представляет статья 13 Кодекса (о покушении) по сравнению с соответствующей ей ст. 18 «Рук. Начал». Последняя не охватывает известной группы несомненных покушений, когда выполнение преступления было начато, но остановилось на полпути по независящим ли обстоятельствам, или по собственному побуждению покушавшегося. Например, желая зарезать кого-либо, преступник начал его резать, но не дорезал. Текст ст. 18 «Рук. Начал» категорически требует, чтобы преступник «выполнил все, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение». Редакция ст. 13 Кодекса шире и точнее; она признает покушением как случаи, когда преступник «не выполнил всего того, что было необходимо для приведения его намерения в исполнение», так и случаи, «когда, несмотря на выполнение им всего, что он считал необходимым, преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим». Мы считаем определение, данное в Кодексе, также и более определенным, чем определение ст. 49 Уг. Уложения 1903 г., согласно которой покушением считается «действие, коим начинается приведение в исполнение преступного деяния, учинения коего желал виновный, не довершенного по обстоятельству, от воли виновного не зависящему». Отметим, что если, таким образом, Уложение 1903 г. признает добровольно оставленное покушение ненаказуемым, то и Кодекс устанавливает в ст. 14, что «покушение, не доведенное до конца по собственному побуждению покушавшегося, карается как то преступление, которое фактически им совершено», т. е. карается лишь в том случае, если в совершенном деянии налицо состав какого-либо иного оконченного преступления.

Несмотря, однако, на наличие отмеченной нами разницы в определении понятия покушения по Кодексу и по «Рук. Нач.», можно сказать, что эти различия сами по себе не вносят никаких изменений в судебную практику: последняя нисколько не затруднялась недостаточной отчетливостью определения покушения в «Рук. Началах», ибо все старые осуществления преступного замысла, вплоть до приготовления, наказывались по «Рук. Началам» одинаково. Иначе обстоит дело с видоизменениями, которые потерпело в Кодексе понятие соучастия по сравнению с «Рук. Началами».

Ст. 21 «Рук. Начал» гласит: «за деяния, совершаемые сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так

и подстрекатели и пособники...». Всякий согласится, что редакция этой статьи тоже не совсем отчетлива, ибо она как бы ограничивает понятие соучастия теми случаями, когда преступление совершалось несколькими лицами, вместо того, чтобы говорить о преступлении, совершенном при участии нескольких лиц. Редакция Кодекса проще и вразумительнее: «за преступление наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники...» (ст. 15).

Расхождение между Кодексом и «Рук. Началами» начинается, однако, дальше. Понятия «исполнитель» и «подстрекатель» определяются и там, и здесь совершенно одинаково. Пособниками же, согласно ст. 24 «Рук. Начал», считаются те, кто «содействует выполнению преступного деяния» **словом или делом**, советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления **или попустительством, т. е. непрепятствованием совершению преступления**. Ч. 3 ст. 16 Кодекса повторяет эту фразу буквально, однако, с опущением подчеркнутых нами мест.

Таким образом, попуститель, как таковой, Кодексу, если судить только по Общей его части, совершенно неизвестен. Конечно, некоторые случаи «непрепятствования совершению преступления» окажется возможным подводить под статью 164 Кодекса, карающую принудительными работами на срок до 6 месяцев «несообщение подлежащим учреждениям или лицам об опасном для жизни положении другого лица, неоказание последнему помощи, которую он мог бы оказать, если вследствие этого причинена была смерть или тяжкое телесное повреждение». Но эта статья может несколько восполнить отсутствие в Кодексе постановления о попустительстве лишь в том, что касается преступлений против личности. В отношении важнейших контр-революционных преступлений такую же роль должна сыграть ст. 89 Кодекса: «недонесение о достоверно известных предстоящих и совершенных преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58—66 Угол. Кодекса, карается лишением свободы на срок до одного года». Наконец, из случаев попустительства любому из прочих преступлений возможно будет преследовать в уголовном порядке лишь те случаи, когда виновным в попустительстве является должностное лицо, поскольку имеющее характер попустительства бездействие окажется со стороны этого должностного лица бездействием власти, предусмотренным ст. 107 Кодекса.

Попустительство, которое не окажется возможным подвести ни под ст. 89, ни под ст. 107, ни, наконец, под ст. 164 Кодекса, очевидно, остается вообще, ненаказуемым по Кодексу. Конечно, можно было бы попытаться вложить в слова (ст. 16 Кодекса) «сокрытием преступника» и такой смысл, при котором они обнимали бы и недонесительство, сославшись хотя бы на то, что всякий недонеситель, если не желает, то, во всяком случае, «сознательно допускает» возможность того, что преступник останется скрытым, или допускает возможность самого совершения преступления, если речь идет о недонесении о предстоящем преступлении. По нашему мнению, однако, то обстоятельство, что Кодекс специально криминализировал статьей 89 недонесение о наиболее тяжких

контр-революционных преступлениях, обложив это недонесение сравнительно слабым наказанием—лишением свободы до 1 года, лишает нас права путем каких-либо толкований статей Общей части давать понятию «недоносительства» распространительное толкование за пределы ст. 89. Отметим, что Угол. Уложение 1903 г. карало статьей 162 заключением в тюрьме недонесение («неизвещение») о всяком известном виновному замышленном или предпринятом тяжком преступлении, «если притом замышленное тяжкое преступление или покушение на оное действительно учинены». Последняя оговорка не воспринята статьей 89 Кодекса, но, очевидно, именно потому, что она само собой разумеется, ибо Кодекс не карает за голый преступный умысел даже возмевшего такой умысел, и тем менее может карать недонесшего об этом умысле, если к активному выполнению его не было приступлено. Недонесение о предстоящем государственном преступлении (ст. 99—102 Уложения) каралось Уложением 1903 г. сугубо—каторгой или ссылкой на поселение. Недонесение же о совершенном преступлении каралось по Уложению только в отношении этих государственных преступлений. Таким образом, Кодекс делает не-

донесение о предстоявшем преступлении наказуемым в значительно более ограниченном числе случаев, чем Уложение 1903 г.; область же наказуемости недонесения о совершенном преступлении определяется Кодексом и Уложением примерно одинаково.

Из моментов, устраняющих наказуемость, не-вменяемость формулирована в ст. 17 Кодекса в общем так же, как она формулирована и в ст. 14 «Рук. Начал». Новой является лишь оговорка, что действие ст. 17 «не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления». Иначе обстоит дело с «необходимой обороной». Последняя формулирована в Кодексе шире, чем в «Рук. Началах»: в то время как ст. 15 «Рук. Начал» допускает необходимую оборону лишь против насилия над личностью самого обороняющегося или других лиц, ст. 19 Кодекса допускает ее против «незаконного посягательства на личность или права обороняющегося или других лиц».

Одновременно в Кодекс введено совершенно новую неупоминаемое в «Рук. Началах» понятие «крайней необходимости» (ст. 20 Кодекса).

А. Эстрин.

К вопросу об ударных задачах органов юстиции.*)

В статье «Две ударные задачи», помещенной в № 19—20 «Еженедельника Советской Юстиции», тов. Лунин выдвигает такие задачи:

1) Подбор личного состава работников юстиции в соответствии с сложнейшими и ответственными задачами, возложенными на них новым законодательством, детальное изучение этих законодательств упомянутыми работниками и надлежащее обеспечение последних.

2) Упорядочение пенитенциарного дела в связи с новым законодательством, вообще, и, в частности, в отношении принудительных работ без лишения свободы.

Считая выдвинутые задачи подлежащими скорейшему разрешению и не собираясь делать по существу их возражений, я, как принимающий участие в работе органов советской юстиции с начала их организации, попытаюсь дополнить затронутые вопросы с практической стороны.

Мы также считаем, что в связи с громадным законодательным материалом требуется большая подготовленность судебных работников. Получив Уголовный Кодекс на местах 12 июня, мы все более или менее свободные (относительно, конечно) минуты посвящаем его изучению как единоличным, так и коллективным порядком.

Изучение хорошо идет в городе, где при удобстве сосредоточено несколько судебных работников, которые, просмотрев внимательно Кодекс по одиночке, ставят более сложные его статьи на коллективное обсуждение с участием предубюста.

Весьма плохо в данный момент обстоит дело в отношении работников юстиции, находящихся в уезде, в связи с отсутствием средств. Собрать работников из волостей в уездный город—требуется довольно большие суммы (за проезд одной версты по грунтовой дороге берут миллион рублей) и обехать весь уезд предубюста не представляется возможным по тем же мотивам.

Хотя общее собрание нарсудей и следователей было бы желательным, но принимая во внимание материальные обстоятельства, несомненную затяжку сезда и отрыв с мест работников в связи с обилием законодательных актов, мы рекомендовали бы второй способ—поездку предубюстов в районные суды, при которых (например, в нашем уезде) находятся и следователи, с ревизионно-инструкторской целью.

Пишущему эти строки приходилось предпринимать подобные поездки, которые дали весьма существенный результат и богатый практический материал. Такой способ тем более необходим и ценен, как дающий возможность детальнее ознакомиться с общей постановкой дела в оторванных от уездного центра районных судебных учреждениях, исправить замеченные недостатки и ошибки, информировать и инструкторовать в отношении нововведений и проч. Всего этого, как показал опыт, на сездах сделать не удастся.

Этим, нам кажется, в значительной степени разрешается затронутый тов. Луниным вопрос об изучении сотрудниками юстиции нового законодательства, а тем более теми из них, которые уже имеют некоторую практику.

Здесь мы имеем в виду такие возражения, что не везде предубюста настолько знаком с де-

*) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

лом, чтобы проделать рекомендуемую нами работу. Отвечая на подобные возражения, мы скажем, что легче поставить в уездах опытных предубюста, которые вполне выполнят эту работу, чем организовать губернские курсы хотя бы с 2-х месячным сроком.

Нам, как старым работникам советской юстиции, хорошо известно, что со времени организации народных судов на местах проектируемые тов. Луниным курсы для подготовки работников юстиции были нашей заветной мечтой; проекты о них ставились нами на всех почти губернских съездах работников юстиции. Но... одно только злосчастное «но» стояло и до сих пор (пожалуй, еще больше) стоит перед нами как каменная стена, разделяющая нас от действительного осуществления столь важных намерений.

Чтобы осуществить устройство курсов должно быть налицо ранее их открытия следующее: а) соответствующее помещение с общежитием для курсантов и продовольствие; в) преподавательский персонал, материальное обеспеченный; 2) разрешение вопроса о безболезненном отрыве работников с мест в связи с их сокращениями.

Если все эти вопросы поставить снова теперь, когда судебные учреждения переживают сильнейший материальный кризис, создание таких курсов станет явно неосуществимым.

Кроме того, мы решительно высказались бы за более продолжительные курсы при возможности их осуществления, чем проектируемые 2-х месячные, не могущие, на наш взгляд хотя бы мало-мальски удовлетворить потребность любящих судебное дело лиц. В этом случае должен быть подобран и соответствующий лекторский персонал, который дал бы курсантам должную теоретическую подготовку в духе советского законодательства. Такого персонала в губернии слишком мало, чтобы начать организацию курсов. О материальных средствах и говорить не приходится, ибо их нет и в такой сумме, какая действительно будет нужна, достать не удастся. С командировкой работников на курсы также будет много затруднений как с материальной стороны, так и с замещениями на случай отъезда.

Кроме того, осуществлению поставленной тов. Луниным первой задачи существенно препятствует материальная необеспеченность работников юстиции, в особенности, в связи с переводом народных судов на местные средства.

Хотя тов. Лисицын в том же № 19—20 и пишет, что действительно революционные работники (мы бы добавили, особо идейные и любящие это дело) должны проникнуться сознанием тяжелого положения страны и остаться на своих местах в наступивший момент испытаний, но действительность говорит другое. Она, правда, не мешает заниматься поэзией, но в то же время почти ежечасно заставляет обращаться и к суровой жизненной прозе. Например, имея большую нетрудоспособную семью, прожив все «пожитки» и не получая жалования или получая ничтожные, по сравнению с жизнью, суммы, едва ли у кого хватит сил и умения существовать одной революционностью, в особенности, при наличии

перенесенных лишений и довольно заманчивых, почти вполне обеспечивающих ставок в рядом находящихся предприятиях и организациях.

Тов. Лунин, ссылаясь на поговорку «под лежачий камень вода не течет», в своей статье говорит, что местные органы юстиции должны доказать тем, от кого зависит улучшение материального положения сотрудников, необходимость удовлетворения насущных материальных потребностей последних. На наш взгляд, тов. Лунин в данном случае немного недоговорил. Он должен был сказать, что органы юстиции, хорошо изучив за четыре слишком года на опыте приведенную им поговорку, теперь тем более должны следовать ее глубокому смыслу.

В этом случае соответствующим органам юстиции необходимо со всею решительностью отстаивать бронирование за ними всех поступлений по делам, производящимся в подведомственных им учреждениях. Только штрафы в пользу голодающих и залоги должны быть неприкосновенны и сдаваться по принадлежности. Народные судьи и заведывающие нотариальными столами должны использовать со всею полностью существующие законоположения относительно взимания установленных пошлин и сборов, при чем народным судьям, кроме того, следует обратить серьезное внимание на наложение денежных и материальных взысканий по указанным в тех же законоположениях делам, а заведывающим нотариальными столами необходимо следить за правильным указанием сумм оценок имущества лицами, совершающими возмездные сделки (купчие и др. документы), так как неоднократно замечалось, что при совершении таких сделок участвующие в них лица скрывают действительную покупную или оценочную сумму, желая избежать должной оплаты установленных сборов.

Необходимость использования органами юстиции всех имеющихся в их распоряжении законоположений в отношении взимания установленных пошлин, сборов и наложения различного рода взысканий диктуется еще и тем, что одно хождение по другим ведомствам и организациям с ходатайством об улучшении материального положения сотрудников не может, конечно, удовлетворить нужд последних и потребность судебных учреждений, ибо слишком много переведенных на местные средства таких учреждений, которые пока больше способны потреблять, чем производить, почему для них только далеко не хватает местных средств.

Относительно состава народных судов мы также соглашаемся с мнением тов. Лунина, что он должен быть пролетарским.

При должном внимании к этому вопросу исполкомов и парткомов подбор судей - пролетариев вполне осуществим. Мы уже теперь знаем таких советских судей, которые вполне заслужили со всех сторон доверие широких трудящихся масс, пользуются должным авторитетом и ничуть не хуже (если не лучше) спецов могут проводить в жизнь принятые и могущие быть принятыми уголовные и гражданские законоположения именно в таком духе (что важно), какой вложен в них законодателем.

Встречаясь на практике с спецами в области прежней юриспруденции, мы должны заметить, что очень незначительное число их удалось убедить работать по своей специальности и что многие из них еще до сих пор неособенно охотно идут в органы советской юстиции. Из тех же же спецов, с которыми нам приходилось работать на поприще советской юстиции, большинство не могло приспособиться к чуждому им по духу советскому законодательству и они страшно тяготились (что было вполне заметно) принятыми на себя обязанностями. Таким лицам совершенно не по плечу, устанавливая революционную законность, ибо они до сих пор еще не сумели или не пожелали перевоспитать себя в духе этой законности. Попадались нам и такие спецы, которые своей работой наносили явный ущерб «неперевариваемому» ими советскому праву. Они больше занимались переводом... казуистики времен Щегловитова на советскую.

В то же время мы знали спецов вполне усвоивших пролетарское право и искренно отдающих свое знание на пользу советской юстиции, но их слишком мало.

Обращаясь ко второй, выдвинутой тов. Луниным ударной задаче—исправлению недочетов пенитенциарной системы, главным образом, в отношении принудительных работ без лишения свободы, и подходя к нему с точки зрения практического опыта, мы определенно заявляем, что при настоящем положении деятельности (вернее, полной бездеятельности) так называемых бюро принудительных работ приходится невольно создавать в Советской Республике какое-то особое «привилегированное сословие» из лиц, приговоренных к общественным принудительным работам без лишения свободы.

Чтобы не быть голословными, мы приведем здесь подтверждающие это обстоятельство несколько доказательств. Народные судьи приговаривают много лиц, не заслуживающих лишения свободы, к общественным принудительным работам без лишения свободы, вдобавок, поступают условно-досрочно освобожденные лица. Все они отсылаются в упомянутое бюро принудительных работ для отбытия наложенного на них наказания, между тем, как их там только регистрируют, ибо никаких работ организовать бюро не в состоянии по многим обстоятельствам, а учреждения и предприятия приговоренных не берут по очень простой причине: вследствие сокращения штатов и отсутствия средств для оплаты таких работников, труд которых в виде наказания в подавляющем большинстве случаев малопродуктивен.

Из этого видно, что при таком положении из упомянутых лиц создается действительно какое-то «привилегированное сословие». Такие лица, как это ни странно, юридически и фактически поль-

зуются большими правами и преимуществами, чем честные, уволенные за сокращением штатов безработные, ибо если они находятся где-либо на работе по своей специальности, то и продолжают работать, получая за труд установленную плату. Если осужденный оказался безработным, то он в первую, против обыкновенных безработных, очередь становится на работу, сохраняя за собой ту же установленную плату. В «худшем» случае такой безработный, за отсутствием для него работы, занимается чем ему угодно вплоть до торговли, ожидая отбытия «наказания».

Таким образом, во всех таких случаях совершенно теряет всякий смысл и значение данное таким лицам наказание. Необходимо срочно пересмотреть этот вопрос. Нужно сделать так, чтобы столь важная воспитательно-исправительная мера достигала действительной цели.

На организацию массовых работ мы пока не особенно рассчитываем, хотя такие работы были бы крайне желательны.

Мы решительно высказываемся за применение к осужденным без лишения свободы следующих мероприятий: 1) в отношении состоятельных работа должна быть для Республики совершенно бесплатной; 2) в отношении малоимущих эта работа должна быть тоже бесплатной, но сверхурочной. При чем в таких случаях суд всегда может дать менее продолжительный срок наказания, чем это практикуется до сих пор при оплате труда, а равно суд учтет вредные для здоровья условия работы и степень их выполнимости; 3) приговаривать таких лиц к общественным принудительным работам, выражающимся в: а) подводе в течение определенного срока подвод командированным по делам службы лицам; б) заготовке или вывозке дров для школ, больниц и других советских учреждений; в) починке этих же зданий при наличии специальности обвиняемых в этой области; г) исправлении мостов, дорог и проч.

Конечно, много и других работ, на которые можно приговаривать общественно неопасных лиц. В отношении увольняемых в бессрочный отпуск дезертиров, например, применять принудительные работы в семьях честных красноармейцев. Все такие работы обязательно должны быть бесплатны и их, как показывает опыт, осужденные лица охотно исполняют, лишь бы не быть лишенными свободы.

В таких случаях народный суд должен вдумчиво соразмерить наказание с возможностью его выполнения, не определяя особо длительных сроков.

Заканчивая данную статью, мы надеемся, что этот вполне назревший вопрос будет срочно разрешен в духе, вполне отвечающем Уголовному Кодексу.

И. Сорокин.

Земельное и налоговое законодательство „Нэп'а“ и практика работы на местах.

Новая экономическая политика создала целый ряд крупных изменений в законодательстве центральной власти в отношении земельных и налоговых вопросов, касающихся крестьянского населения: разверстка заменена налогом; землеустроительные работы потеряли характер уравнительности и стали преследовать цели уничтожения мелко- и через-полосности, при чем крестьянству дан полный простор выбора для себя тех форм землепользования, какие оно для себя считает наиболее приемлемыми и подходящими по местным условиям. И вот, на местах в настоящее время закипела работа. К землемерам - землеустроителям от крестьян посыпалась масса заявлений о разбивках на участки, хутора, широкие полосы и т. п. Все эти заявления—явный плюс, доказывающий, что крестьянство сознает необходимость перехода к новым, более совершенным и интенсивным формам хозяйства, но... и тут замечается «но», заставляющее серьезно задумываться над дальнейшим течением интенсификации в сельском хозяйстве. «Но» это явно видно из последней практики работы волземколлегии, а именно: в это же самое время в волземколлегии целыми пачками посыпались от многих крестьян заявления об отказе их, иногда от всей, а в большинстве, от части земли (из имеющихся 2—3 наделов отказываются от одного, полутора и т. п.). И тут происходит любопытная история. Например: гражданин заявляет, что имеющихся 2—3 наделов он **обрабатывать по таким-то причинам** (нетрудоспособность, недостаток рабочих рук и т. д.) **не в состоянии**, а потому и просит излишнюю у него землю изъять в фонд волземуправления для распределения нуждающимся. Земуправление в тупике; хорошо, если нуждающиеся и желающие взять эту землю тут же есть, а если нет, что делать с этой землей: она числится по деревне, как подлежащая обложению продналогом, и если ее никто не запашет, кто будет платить продналог? Отказаться и не брать в фонд землю, от которой категорически отказывается не могущий ее использовать пользователь—нельзя, взять и не передать тотчас же кому-либо,—также нельзя. Предложить сдающему землю самому подыскать сначала лицо, желающее взять эту землю, также нельзя и т. п. Это будет похоже на дарение, категорически воспрещенное последними распоряжениями по землепользованию, и в результате выхода нет. Спросите: «почему же почти при всеобщем недостатке в земле не находится желающих занять сваливаемые наделы». Ответ ясен: граждане, сваливающие свои земли, большею частью, люди или малотрудоспособные, или у которых и при слабом и бедном хозяйстве земли много и земля их **выпущенная от недостатка удобрения, запущенная в перелогах и кустарнике**. Взять такие земли нужно несколько лет усиленных затрат физических и материальных, при плохой окупаемости труда в первые годы, налоги нести за них надо такие же, как и с прочих хорошо удобренных и культурных земель. Плюс еще при увеличении

количества земли на едока повышаются и ставки продналога и вот, дабы избежать этого, старательные и трудоспособные хозяйства **сжимаются в своем малоземелии** и решительно избегают занимать эти освобождающиеся земли. И вот, начавшаяся в последнее время стихийная сдача в фонд излишних у отдельных домохозяев земель грозит сильно увеличить фонды пустующей земли, что будет явно в ущерб государственным интересам. С этим явлением нужно повести немедленную и решительную борьбу. В то же время при переходе к новым формам хозяйства (разбивка на участки и т. п.) замечается такое явление. Деревни, изменяющие формы землепользования, при производстве новых разверстаний стараются большую часть выпущенных и запущенных земель изъять из подпадающих под обложение продналогом, для чего без явной нужды увеличивают за счет этих земель выгона и т. п., сжимая пашни и луга до пределов крайней необходимости. Результаты те же: как фискальные интересы государства, так и общее благосостояние населения будет от этого только страдать. Причина этих нежелательных явлений, на мой взгляд, ясна, это—недостатки продналоговой системы. Вновь обьявленные ставки единого продналога, при всей своей массе разрядов и категорий в зависимости от урожайности, количества скота и пашни на едока, кажущиеся неразрешимую головоломкою для малограмотного мужика, да и на самом деле являющиеся таковыми до обьявления разрядов местности по урожаю, в то же время совершенно не считаются с таким крупным фактором, как **качество земель**, и тут верная мужицкая поговорка: «не полоса кормит, а загон» совершенно не принята во внимание. Выходит так: посею ли я на унавоженной пашне, разделая ли кусты или заболоченный луг, где первые год-два урожая будут сомнительные—все равно заплачу продналог по той же категории, да еще с увеличением пашни и подесятинная ставка на много увеличится, и выходит, лучше бросить и новых и сомнительных по урожаю участков не разрабатывать. Что и происходит на самом деле.

Мне могут возразить, что разработка таких земель производится и сошлются на все увеличивающееся количество мелиоративных товариществ, но о них в другой раз, только-что они не оправдывают возложенных на них надежд, а продналоговая система должна быть изменена в том смысле, чтобы: во-первых, если невозможен немедленный кодастр земель, то всевозможными льготами поднять у крестьянства интерес к разработке запущенных земель, а, во-вторых, уничтожить всякую разрядность по урожайности по местностям, сделав единую ставку по каждой губернии при среднем урожае и скидывать с нее или зачитывать в недоимку для каждого отдельного хозяйства при удостоверении о неурожае или других стихийных бедствиях. Разрядность по скоту также уничтожить, как вредную для интенсивного развития хозяйств, оста-

вив лишь разряды по едокам, и, опять повторяю, ввести обязательные и заметные льготы за вновь разрабатываемые земли. Тогда только мужик заранее и точно будет знать, за какие земли и сколько с него возьмут, и прекратится накопление пустующих фондов земли и начнется обратное сжимание выгонов и кустарников, а не увеличение их за счет земель не культурных, но близких к культурному виду.

Такие явления в волземколлегиях, какие мне пришлось наблюдать в последнее время, когда коллегия думает брать или не брать и как быть со сдаваемой пользователем землей, тогда также прекратятся и на каждую освобождающуюся землю опять будут целые очереди претендентов.

Н. Козлов.

Н вопросу об ответственности за потравы.

Нельзя не приветствовать появление статьи тов. Н. Козлова «Ответственность за потравы», помещенной в «Еженедельнике» № 10. Действительно, настала весна, настанет и лето и посыпятся как из рога изобилия дела о потравах и приток их все более будет увеличиваться. Сколько приходит крестьян спрашивать совета, как поступить: «вот я выделился на хутор, участок еще не огорожен, хлебушко уже посеян, скот деревни травит эти посевы»... и масса других вопросов о потравах, не предусмотренных законоположениями. Чтобы не скомпрометировать себя, как судью, в глазах населения и хоть отчасти успокоить пришедшего искать у судьи закона, стараешься подыскивать более рациональные и приемлемые по местным условиям «законы». Крестьянин более или менее удовлетворенный уходит, а у тебя, как судьи, на душе неспокойно, ведь, придется судить, найти виновного, удовлетворить гражд. иск об убытках и т. д., а руководствоваться приходится только революционным правосознанием, а в иных случаях этого одного правосознания бывает мало. Поэтому и этот вопрос должен быть строго введен в рамки закона. А потравы—это громадное и непоправимое зло, причиняющее громадный убыток государству и частным лицам: травятся хлеба, луга, посевы разных культур, огороды, сады и проч. и при теперешних ресурсах, в особенности, это ощутительно для трудящихся Республики и этому надо положить предел и как можно скорей, издав специальный закон о потравах. Выдвинутые тов. Козловым положения, помещенные в пяти тезисах, я целиком поддерживаю и лишь к пятому тезису еще хочу добавить, что владельцы скота безусловно обязаны огораживать или вменять в обя-

занность пастуху не впускать скот в поле соседа, делая в договоре о найме соответствующую оговорку. Прочитав ст. тов. Козлова я ждал, что вот на нее откликнется тов. судьи, поддержат затронутую мысль и выдвинутые положения и желания, но—уввы, почему-то никто не откликнулся, не поддержал и создается впечатление, что как-будто затронутый вопрос настолько несущественный, что о нем и говорить-то не стоит. Но это не так, вопрос этот и серьезный, и говорить о нем стоит и нужно. Коль скоро мы переходим к созданию писанных законов, коль скоро от нас целым рядом декретов и постановлений требуют строго поддержания и проведения в жизнь революционности законности, то ясно, что это выполнить можно только тогда, когда у нас будут законы, определенные нормы и указания, что можно делать и что нельзя и кто отвечает за содеянные недозволенные поступки. Я не высказывался по этому вопросу долго лишь потому, что писать не мастер красно, ибо, как крестьянин-самоучка, «писательством» не занимался, но зная, что Редакция «Еженедельника» обращается к работникам на местах с призывом писать обо всем, не стесняясь формой изложения, вот я и пишу, как умею и как лишь подсказывает разум. А законы нужны, трудовой крестьянский люд, интересы которого мне приходится защищать с самого начала основания нарсуда, в законе нуждается, закону верит, ищет его и ждет. Тов. судьи, откликнитесь на этот вопрос, дайте какие-либо еще сведения или положения по нему еще незатронутые, дайте конкретные указания, поддержите и развеите затронутый вопрос, ведь, ум хорошо, а два-три еще лучше.

А. Афанасьев.

Обзор советского законодательства

за время от 4 по 10 июня 1922 г.

За время от 4-го по 10-е июня были опубликованы следующие декреты:

1. **Постановление 3-й сессии ВЦИК «О денежном подворном налоге вне городских поселений для удовлетворения местных нужд» («Изв. ВЦИК» от 4-го июня, № 123).** Налог предназначен для удовлетворения местных нужд. Введение его поставлено декретом в зависимости от воли губисполкомов. Налогом облагается каждый сельский

двор, а также всякое хозяйство, расположенное вне селений, не исключая совхозов и колхозов. СНК по представлениям губисполкомов и равноправных им органов советской власти устанавливает ежегодную предельную сумму подворного налога для каждой губернии и равнозначной ей административно-территориальной единицы. Губисполкомы не имеют права выходить за пределы установленной СНК суммы. Губисполкомы распре-

ляют суммы губернского обложения по уездам, уисполкомы—по волостям, волисполкомы—по селениям, сельсоветы—по дворам. При назначении подворного обложения принимается в расчет: а) количество пашни и сенокоса; б) количество скота (рабочего и продуктивного), за исключением молодняка и производителей, и в) необлагаемые государственным промысловым налогом подсобные промысловые занятия сельского населения (кустарные промысла и ремесла, садоводство, огородничество, охота, рыбные и лесные промысла, добыча ископаемых и т. п.). Освобождаются от налога: а) хозяйства советских учреждений, предназначенные исключительно для опытно-показательных и учебных целей, а также племенные и семенные рассадники; б) хозяйства учреждений социального обеспечения; в) хозяйства семей, члены которых состоят на службе в Красной армии и флоте, семей инвалидов войны первых трех рядов (декрет о социальном обеспечении инвалидов, 1921 г., С. У., № 79, ст. 672, п. 2), семей лиц, убитых на фронте, и военнопленных, а также демобилизованных не ранее 1-го апреля 1922 года (последняя категория освобождается только на один год). Все эти хозяйства подлежат освобождению, если в составе семей, кроме лиц перечисленных категорий, не осталось других трудоспособных членов мужского пола. При наличии таковых—вышеозначенные хозяйства освобождаются только от половины налога. Хозяйства семей, члены которых принадлежат к строевому командному составу до командира батальона включительно и курсантам военно-учебных заведений, освобождаются от $\frac{3}{4}$ причитающегося по раскладке оклада налога. Хозяйства семей, члены которых состоят на службе в рабоче-крестьянской милиции, если других трудоспособных членов мужского пола в составе этих семей не осталось, освобождаются от половины причитающегося по раскладке обложения. Наконец, г) совершенно освобождаются от налога хозяйства, признанные уисполкомом разрушенными или серьезно пострадавшими от разгрома белогвардейцами за время гражданской войны. Губисполкомам предоставляется право освобождать от обложения отдельные районы и категории плательщиков, пострадавших от стихийных бедствий, но только по соответствующим представлениям уисполкомов и с истребованием обязательного заключения губфинотделов. Частичное или полное освобождение от обложения (при раскладке в пределах селений) отдельных беднейших дворов или пострадавших от стихийных бедствий может производиться уисполкомами по представлению волисполкомов. Таким же порядком и в тех же случаях подлежат освобождению от налога единоличные хозяйства, находящиеся вне селений.

2. Декрет СНК «О мерах против невнесения платы за услуги предприятий коммунального характера и безхозяйственного пользования ими» («Изв. ВЦИК» от 5-го июня, № 124). Правлениям коммунальных предприятий предоставляется право закрывать домовые установки водопровода, электричества и газа в следующих случаях: а) если в силу неисправности домовой сети происходит утечка воды, электричества, газа и домоуправление или жильцы не исправят сети в срок, опре-

деляемый обязательным постановлением местного исполкома; б) если не внесена в установленный срок плата за воду, электричество или газ. В этом случае установки открываются по внесении платы с причитающейся пеней, при чем закрытие может последовать лишь по истечении двух недель по подаче соответствующего счета.

Правлениям водопровода, электростанции и газового завода предоставляется, кроме того, право: а) взыскивать стоимость открытия и закрытия установок в указанных выше случаях (по таксе, устанавливаемой коммунальным отделом) и б) предъявлять иски о внесении платы с начислением пени ко всем без исключения потребителям воды, электричества и газа об исправлении сети и о возмещении убытков, причиненных безхозяйственным пользованием ею.

3. Декрет ВЦИК и СНК «О порядке пропуска доставляемых из-за границы почтовых посылок» («Изв. ВЦИК» от 8-го июня, № 125). Декрет устанавливает целую категорию предметов, могущих быть пересылаемыми из-за границы в почтовых посылках без особого разрешения НКВТ (предметы продовольствия, печатные произведения, рукописи, фотографии, чертежи, рисунки и всякого рода документы, материи, ткани, одежда, белье, головные уборы, обувь, часы, очки, термометры, кухонная и столовая посуда, необходимые в домашнем обиходе предметы и материалы, музыкальные инструменты и инструменты специальных профессий и необходимые для них материалы, предметы широкого потребления и медикаменты). Разрешение НКВТ не требуется только в том случае, если по обстоятельствам дела (количеству посылок, адресованных данному лицу и т. п.) ясно будет, что предметы, пересылаемые в посылках, предназначены для личного пользования. Все посылки, за исключением тех, в которых пересылаются предметы продовольствия, точно указанные в декрете, подлежат обложению таможенной пошлиной. Освобождение от нее для вышеуказанных предметов продовольствия действительно только до 1-го января 1923 года. Не освобождаются от уплаты акциза те из предметов продовольствия, которые по закону подлежат акцизу.

4. Декрет СНК «Об изменении сумм судебных пошлин» («Изв. ВЦИК» от 10-го июня, № 127). По новому декрету судебная пошлина определяется в следующих ставках: при цене иска от 1.000 до 50.000 руб. выпуска 1922 г.—1%, от 50.000 до 500.000 руб.—2%, свыше 500.000 руб.—3%. Иски ценою ниже 1.000 р. от обложения пошлиной освобождаются. С исков, не подлежащих оценке, пошлина определяется при постановлении решения в размерах не ниже 100 и не свыше 1.000 руб. По делам бесспорного производства пошлина взыскивается в размере 100 руб.

5. Постановление Президиума ВЦИК «Об установлении предельного минимума количества подростков в предприятиях» («Изв. ВЦИК» от 9-го июня, № 126). Декрет для указанных в нем видов производства устанавливает обязательный % подростков 15, 16 и 17 лет по отношению ко всему количеству занятых в соответствующих предприятиях (государственных и частных) лиц. Предприятия могут занимать и большее против установленных норм количество подростков. Цель де-

крета устранить опасность для восстановления квалифицированной рабочей силы, происходящую от непропорционального уменьшения количества под-ростков при сокращении штатов.

6. Декрет ВЦИК и СНК «О предельности количественных норм, устанавливаемых Президиумом ВЦИК для штатов всех центральных и местных учреждений» («Изв. ВЦИК» от 9-го июня, № 126). Увеличение количественных норм, устанавливаемых Президиумом ВЦИК для штатов учреждений, воспрещается, уменьшение ниже этих норм допускается при условии сохранения всех функций и объема работ, возложенных на учреждения общегосударственными постановлениями. Допускается также слияние отделов управления и секретариатов с возложением на отделы управления работы секретариатов.

7. Декрет СНК «О признании за долговыми денежными обязательствами, выданными в промежутке времени между 30 мартом 1921 г. и 30 мартом 1922 г., вексельной силы» («Изв. ВЦИК» от 9-го июня, № 126). Для признания за обязательством вексельной силы, оно должно удовлетворять требованиям ст.ст. 2 и 17 Положения о векселях и не быть просроченным.

8. Декрет СНК «Об отдалении срока введения метрической системы» (там же). Срок полного

введения метрической системы отодвигается до 1-го января 1927 года. В период до 1-го января 1927 года метрическая система должна быть введена постепенно.

9. Декрет СНК «О переводе телефонных сетей Наркомпочтеля на хозяйственный расчет» («Изв. ВЦИК» от 10-го июня, № 127).

10. Декрет СНК «Об устройстве лотереи государственными учреждениями» (там же). Устройство лотереи разрешается временно в целях усиления средств на: а) борьбу с голодом; б) на нужды социального обеспечения, здравоохранения и культурно-просветительные. Лотереи, устраиваемые во всероссийском масштабе или выходящем за пределы одной губернии, подлежат разрешению СНК по представлениям Наркомфина. Лотереи, устраиваемые в губернском или ином более узком масштабе, разрешаются президиумом губисполкомов по представлениям губфинотделов. Розыгрыши должны производиться публично при обязательном участии представителей НКРКИ и Наркомфина.

11. Декрет ВЦИК «Об образовании автономной области Ойратского народа» («Изв. ВЦИК» от 8-го июня, № 125). Новая автономная область образуется в пределах Алтайской губернии.

В. Аронович.

Правые эс-эры перед судом пролетариата.

(Из залы суда).

Декларации групп подсудимых.

Интересным моментом процесса является опрос Председателем Трибунала подсудимых, признают ли они себя виновными.

Стереотипные вопросы, но достаточно разнообразные ответы. Обвиняемый Гоц отвечает, что его деятельность за последние четыре года не дает права говорить об ответственности за нее перед данным Трибуналом. В таком же духе отвечает Донской. Тимофеев заявляет:

«Всю ответственность за вооруженную борьбу против советской власти в 1918 году мы берем на себя». Кроме того, он просит дать ему возможность высказаться теперь же по вопросу об историческом освещении деятельности партии с.-р.

Выясняется, что группа цекистов уполномочила его на такое выступление, так же как группа раскаявшихся дала полномочие на особое параллельное заявление Ратнеру.

Ратнер признает себя виновным за все действия партии с.-р., имевшие место вплоть до выхода его из партии. Также Коноплева, Ставская и Семенов.

Тимофеев в своей речи по поводу содержания обвинительного акта признает, что партия с.-р. вела борьбу против советской власти, и, однако, он решительно отвергает тот пункт, который говорит об с.-р., как зачинщиках гражданской войны. Наоборот, партия с.-р. все время стояла на страже революции, охраняя Учредительное Собрание. И не ее вина, если последнее было разогнано. Далее работа в Советах. Затем изгнание оттуда.

Ничего больше не оставалось, как приняться за вооруженную борьбу против советской власти; она велась и будет вестись.

В 1919 году борьба с большевиками была прекращена, ибо необходимо было обратить силы на борьбу с реакцией.

Тамбов... Кронштадт... Но от Тамбова почему бы и не отгородиться, а Кронштадт—так, ведь, он же был борьбой за... советскую конституцию... тем более, эс-эры не признают новой экономической политики. Таковы повествования подсудимого Тимофеева.

Но иные Ратнера.

«Мы признаем за собой много совершенных преступлений, но в одном мы неповинны—самом тяжком из них—во фразерстве, лицемерии, двурушничестве»—сказал Ратнер.

Взволнованно рассказывает он, как ЦК посылал их на совершение террористических актов, а затем лицемерно отрекался от них. Еще в 8-м совете партии Чернов говорил: если партия вынуждена вести тайную дипломатию—эта партия обречена. Чернов говорил о большевиках, но это всецело относится к его, черновской, партии с.-р. Партийным низам внушали мысли о третьей силе, борющейся на два фронта—против большевиков и reactionеров. Но это был только обман. В действительности, этого не было. Наоборот, коалиция с Деникиным и другими генералами была налицо.

Тимофеев и Донской провели целую компанию добровольчества... в добровольческую монархическую армию. Когда встал вопрос о союзниках,

принято было постановление о приемлемости **военной** интервенции. Но и здесь с.-р. тоже лицемерили, если верить признанию Авксентьева, находившегося по ту сторону границы.

«Прошло время. Мы закаялись. Постановлено было прекратить вооруженную борьбу с советской властью. Мы предлагали войти с нею в соглашение. Однако, процесс полевения продолжался недолго. Политика лицемерия взяла снова верх.

Но мы, раскаявшиеся,—кончает Ратнер,—мы неповинны в этом лицемерии».

Подсудимый Игнатъев заявляет, что он всегда считал ЦК партии с.-р. стоящим на позиции интервенции, теперь же он из уст Тимофеева слышит, что ЦК был против интервенции. Но я также не шантажист, я жертва все той же политики партии с.-р., политики обмана.

Обвинитель тов. Крыленко просит занести в протокол следующие места из речи Тимофеева: 1) партия вела борьбу с советской властью по постановлению ЦК партии; 2) партия была в связи с Антантой; 3) партия не отказывается от вооруженной борьбы с советской властью и в дальнейшем.

Трибунал постановляет согласиться с просьбой государственного обвинителя.

Первые свидетели.

Затем Председатель тов. Пятаков оглашает порядок судебного следствия: допрос свидетелей разбит на группы. После некоторых прений и добавлений устанавливается следующий порядок: 1) вооруженная борьба партии с.-р. с советской властью до разгона Учредительного Собрания; 2) связь с союзниками и белогвардейцами; 3) роль Антанты; 4) Поволжье; 5) окраинные белые правительства; 6) 9-й совет партии, раскол и последующая деятельность; 7) личный состав партии; 8) военная работа партии в 1918—1919 г.г.; 9) террор; 10) экспроприации; 11) подрывная работа.

Имела ли место вооруженная борьба партии с.-р. против советской власти, начиная с первых дней Октябрьской революции?

Длинный ряд свидетелей как со стороны обвинения, так и со стороны защиты дает показания о деятельности ЦК и отдельных членов партии за этот период.

По показаниям свидетелей Броуна, Краковецкого, Усова, Паевского и др. становится очевидным, что новой власти, возглавляемой Коммунистической партией и организованной по решению большинства 2-го Съезда Советов, с.-р. с самого начала решили оказать сопротивление.

Попытка опереться на питерских рабочих ни к чему не привела, так как не было буквально ни одной группы рабочих, которая бы встала на сторону с.-р., как «защитников рабочих масс».

Рабочие массы стояли за совершившийся октябрьский переворот.

Воинские части? Да, свидетели в один голос признают, что ЦК партии с.-р. принял все меры, чтобы привлечь к себе армейские части, в частности, броневые дивизионы, рассчитывал на их поддержку в момент выступления, но... воинские части отошли от с.-р..

Казачьи части? То же самое. Они отказались выступить, если не выступит пехота.

Свидетели констатируют, как определенный факт, что, воспользовавшись единственной поддержкой юнкеров, социальный состав которых был совершенно определенный, с.-р. тем самым повели борьбу со всеми трудящимися массами.

Свидетель Усов утверждает, что в этой борьбе активно участвовала на стороне большевиков громадная часть питерских рабочих.

Устанавливается также свидетельскими показаниями и очередное лицемерие ЦК партии.

Гоц и Авксентьев выпустили в октябрьские дни приказ о свержении власти большевиков, однако, вслед за этим опубликовали заявление о своей непричастности к этому приказу.

Не покладая рук, работают с.-р., подготавливая выступление с целью все того же захвата власти в день открытия Учредительного Собрания. Работа, по показанию Паевского, ведется регулярная, по-военному: с применением разведки, шпионажа и т. п. Организуются районные штабы, идет вербовка боевиков в специально подготавливаемые отряды.

В средствах недостатка нет. Откуда, однако, они?

Паевский указывает, как на весьма вероятный источник, на французскую миссию.

Паевский—бывший с.-р., врач, в настоящее время беспартийный, он вел энергичную работу в военной организации партии. Крайне интересны поэтому его дальнейшие показания.

5-е января—день открытия Учредительного Собрания—настало. С.-р. выступили, но как. В вооруженной демонстрации, вопреки заверениям эс-эровских органов печати в те дни, приняли участие кто угодно, но только не рабочие и не воинские части. Демонстрация вышла крайне жидкой и было видно, что вылиться в вооруженное восстание она не может.

«Когда мы шли по направлению к Таврическому Дворцу—говорит свидетель—мы слышали крики нам вслед: «буржуи». У него—продолжает он—сразу появилось сознание ошибочности всей эс-эровской политики. Когда же на необходимом месте не оказалось ни одного из вождей, лидеров партии (они все попрятались кто-куда), свидетель увидел всю гнусность поведения ЦК партии. С этого момента у Паевского сложилось решение уйти из партии, что он вскоре и сделал.

Итак, демонстрация сорвалась, вторая попытка вооруженного восстания была мирно бита отказом питерского пролетариата от защиты Учредительного Собрания.

Показания Паевского оказались уничтожающими.

На вопрос подсудимого Лихача, почему же свидетель мог состоять в партии, которая пользовалась всеми, не исключая и темных (происхождение денежных сумм) средств для свержения советской власти, Паевский резко ответил: «лицемерие, трусость, лживость, пользование всеми средствами вплоть до темных—все это то и заставило меня плюнуть и уйти из партии».

Далее в процессе следствия устанавливается, как непреложный факт, подготовка с.-р. вооруженного выступления в день разоружения Преображенского полка. Обвиняемый Гоц признается, что Преображенский полк был очень ценен для партии, как боевая единица. И если бы питерский пролетариат выступил в этот день, то с.-р. стали бы во главе движения и с большим бы удовольствием расправились с большевиками.

Но пролетариат не был на их стороне и эта третья попытка свержения ненавистной с.-р. власти сорвалась также как и две предыдущие.

Выясняется здесь же и отношение с.-р. к Красной армии. Оказывается, что вначале они считали возможным использование в дальнейшем Красной армии, как национальной силы. После Брестского мира такая точка зрения сменилась, однако, на другую. Они признали необходимым вести в отношении армии политику разоружения, для чего постановили входить в ее состав и занимать руководящие места.

Однако, обвиняемый Дашевский заявляет, что цель вхождения в армию была иная. С.-р. преследовали задачи использования частей при первом возможном выступлении против советской власти, для чего должна была быть поведена организационная работа внутри частей армий.

При допросе свидетеля Фроссара (чл. Исполкома Коминтерна), раскрывшего французскую политику интервенции и отношение к ней с.-р., полную антисоциалистичность партии с.-р., обвиняемые пытаются опровергнуть приписываемую им связь с иностранной интервенцией. Однако, обвинение оглашает протокол заседания верховного управления северного правительства (подсудимый Лихач участвовал в этом правительстве), из которого явствует, что печати воспрещалось говорить что-либо о введении особых военных судов, при чем здесь же указывается на необходимость представления для утверждения всех смертных приговоров главнокомандующему **союзными** вооруженными силами. Это ли не полное признание интервенции?

«Это не интервенция уже, а полное подчинение эс-эров западным союзникам» — отвечает свидетель тов. Фроссар.

Бегство иностранной защиты.

Иностранная защита в лице Вандервельде выступила с требованием предоставить ей право вести самостоятельную стенограмму, ибо стенограмма суда по техническим обстоятельствам не дает ей возможности быстрого с ней ознакомления, без чего невозможна правильная постановка защиты.

После короткого совещания по этому вопросу Трибунал разъяснил, что вопрос о ведении судебной стенограммы может быть разрешен комендантом суда, которому дана инструкция пропустить стенографисток, если с просьбой об этом к нему обратятся иностранные защитники.

Очевидно, это было понято иностранной защитой, как прикрытый отказ Трибунала, и послужило поводом к выступлению в следующем заседании представителя обвиняемых с заявлением, что в виду чинимых Трибуналом препятствий иностранным защитникам последние считают невозможным дальнейшее участие в процессе, но если обвиняемые на этом настаивают, то они останутся. Обвиняемые же решили освободить Вандервельде, Либкнехта, Розенфельда и Вотерса от их адвокатских обязанностей.

Далее, в Трибунал поступило заявление иностранцев с мотивировкой ухода с процесса, на которое Трибунал указал, что все пункты объяснения совершенно беспредметны, ибо, во-первых, защитникам не было отказано в ведении личной стенограммы, во-вторых, ссылка на берлинское соглашение 3-х интернационалов для суда неосновательна, так как никаких документов об этом соглашении к делу не приложено и заявления о соглашении, таким образом, могли бы быть направлены к правительству, которое единственно правомочно было бы так или иначе разрешить вставшие перед иностранной защитой вопросы в связи с берлинским соглашением.

Трибунал считает логически правильным объяснить уход защитников не этими формальными несущественными причинами, а просто тем, что Вандервельде и др., в ходе процесса убедились в политической невыгодности дальнейшего их участия в защите.

С. З.—цев.

СУД и ЖИЗНЬ.

Владимирские впечатления.

Инициатива местных судебных работников.

Мне посчастливилось в первый же день приезда во Владимир присутствовать на выпуске совпартшколы после годичного занятия.

Огромная прекрасно-декорированная зала битком набита курсантами из рабочих и крестьян (до 200 человек).

Из отчета и последовавших ответов на приветствия речей курсантов видно, что они многому научились и что здесь был заложен в их сознание крепкий марксистский фундамент.

Работники судебного ведомства здесь проявили свою инициативу и при курсах также была организована правовая секция на 20 курсантов. Прослушаны лекции по введению в право, гражданскому и уго-

ловному праву. В виду того, что вновь входящие в жизнь Уголовный и Уголовно-Процессуальный Кодексы курсантам еще не знакомы, решено занятия на правовой секции продолжить еще на 10—14 дней. Для слушания этих лекций вызваны также работники с мест. Полезно было бы опыт владимирских товарищей, пользовавшихся партшколу для подготовки хотя бы малого кадра судебных работников, распространить на всю Республику.

Усердие не в меру.

При посещении мною губернской тюрьмы я просил показать карцер.

Сырой, мрачный, совершенно темный карцер возможность существования которого я считал уже ото-

шедшим в область преданий тюремной жизни, к сожалению, не пустовал.

После моего указания на недопустимость подсобного содержания арестованного, противоречащего основным положениям уголовного советского права, запрещающим меру воздействия, сопряженную с мучительством, карцер заключен, а заключенный изолирован в светлую одиночку.

В отношении администрации, допустившей подсобный порядок будут приняты административные меры воздействия.

В той же тюрьме произошло избивание конвойным арестованного. Производится расследование.

Центральному Карательному Отделу НКЮ следовало бы обратить серьезное внимание, не продлевается ли то же самое в других подведомственных ему учреждениях РСФСР.

Если во Владимире не скупятся «на решительные меры» для исправления — то в целительную силу труда там, по видимому, не очень верят. Из 850 арестованных на внешних и внутренних работах заняты триста, а остальные бездельничают.

Угол. Кодекс выручил.

Одна из камер тюрьмы была занята сплотив мелодыми крестьянскими парнями — здоровые, свежие они как-то совершенно не гармонировали с обычным типом тюремных жителей.

Интересуюсь, по какому делу содержатся — оказывается, что только на днях были осуждены особой сессией Владимира к четырем месяцам лишения свободы за кулачный поединок с парнями соседней деревни (обычай деревенской жизни).

Суд для острастки, не ожидая разрешения дела во второй инстанции, подверг их заключению.

Налицо явное противоречие новому Уголовному Кодексу, так как лишение свободы на срок ниже шести месяцев не допускается, а раз суд ограничил

лишь четырьмя месяцами, ему нужно было применить принудительные работы без лишения свободы.

После переговоров с совнарсудом мера пресечения изменяется и парни освобождаются, почувствовав на себе спасительное действие вновь введенного Уголовного Кодекса.

Из огня да в полымя.

При осмотре той же тюрьмы я был не мало изумлен, когда в одной из камер нашел содержащимся некоего Порхачева, обвинявшегося в свое время в клевете на ответственных работников и приговоренного к трем годам лишения свободы, дело которого рассматривалось в Наркомюсте в порядке высшего судебного контроля и было прекращено. В виду того, что при рассмотрении данного дела усмотрено было неправильное следственное производство, было попутно постановлено произвести ревизию губотюста.

Порхачев был выпущен на свободу. Принципиальное решение центра по его делу подействовало на других арестованных, возмнивших Порхачева «веським», они стали обращаться к нему за советами по своим делам. Он не преминул воспользоваться оказываемым ему доверием и занялся вымогательством денег, необходимых, якобы, для «ведения» дела, и опять стал распространять вяческую клевету на ответственных работников.

В результате новое привлечение уже к суду ревтрибунала и... приговор к расстрелу.

Дело находится в кассационной коллегии Верховного Трибунала. Им заинтересовался и Наркомюст. Если Порхачев окажется авантюристом, то местные работники в данном вопросе должны были проявить сугубую осторожность, чтобы не перегнуть палку в другую сторону.

И. Ростовский.

Дискуссионная страница по применению Уголовного Кодекса.

Редакция «Еж. Сов. Юст.» предполагает с настоящего номера отводить специальную страницу для небольших дискуссий по вопросу о применении Уголовного Кодекса. Полное осуществление задуманного намерения, однако, возможно будет при условии,

О видах преступлений, не указанных в Уголовном Кодексе.

С первых же строк этой заметки надо констатировать тот бесспорный и отрадный факт, что издательство НКЮ не запоздало со снабжением губерний и уездов Республики новым Уголовным Кодексом, с которым теперь и в центре, и на местах знакомятся все деятели юстиции, начиная с высших и кончая низшими, которому посвящаются теперь почти все «юридические» разговоры и который уже — хоть и робко сперва — начинает применяться в наших судах.

Своей ст. 10 Уголовный Кодекс определенно говорит, что «в случае отсутствия в нем прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части Кодекса».

И на местах отсутствие в Кодексе некоторых прямых указаний на отдельные виды преступлений вы-

зывает подчас и недоумение, и какую-то растерянность, тем более, что ст. 10 требует применять меры наказания или социальной защиты в таких случаях по аналогии с соблюдением правил общей части Кодекса; для «аналогии» необходимо хорошо знать Кодекс, а для соблюдения правил общей части их также надо знать. И это-то и привело многих в недоумение и растерянность, несмотря на то, что в Кодексе всего 227 статей, освоиться с ними не так уж трудно, общая часть Кодекса сама по себе совершенно не сложна, а статьи применять по аналогии возможно без особых ошибок и затруднений, так как имеющиеся в Кодексе статьи настолько просто, элементарно составлены, что судья, рабочий и крестьянин, внимательно изучив Кодекс, сможет применять статьи и по аналогии. Но, во всяком случае, испуг и растерянность есть. И, главным образом, пока следующие вопросы затрудняют судей в связи с новым Уг. Код.

Редакция позволяет себе надеяться, что призыв ее не останется втуне.

В Уголовном Кодексе нет нигде прямого указания на такой вид преступления, как уклонение от правил воинского учета (обычное дезертирство) и нет указаний на наказания за это преступление. Наши судьи сразу же теряются, не находя в 7 главе особенной части Кодекса ни одной определенной статьи по этому виду преступления. Между тем, пользуясь указанием выше цитированной ст. 10 общей части Кодекса, уклонение от правил воинского учета до известной степени есть самовольная отлучка от учета и, на случай призыва, послужит самовольной неявкой к исполнению воинского долга в соответствующую воинскую часть. А о самовольной отлучке и о самовольной неявке говорит ст. 205 Уголовного Кодекса и от суда, сообразуясь с обстоятельствами, обстановкой и мотивами уклонения от учета, заявит, рассмотреть ли его, как самовольную отлучку или как самовольную неявку; в первом случае наказание: или лишение свободы на срок до 1 года или кара по правилам устава дисциплинарного, а втором случае: те же наказания, а при боевой обстановке—лишение свободы на срок до 5 лет с конфискацией или без конфискации имущества; в обычной обстановке, конечно, первое наказание более применимо и, следовательно, по аналогии, уклонение от правил учета может быть рассмотрено на основании части первой ст. 205 Уголовного Кодекса. Далее, ст. 81 Уго-

ловного Кодекса говорит об уклонении от воинской повинности посредством причинения повреждений в здорровьи, учинения подлога в документах, подкупа должностных лиц, изменения фамилии или звания, а равно под предлогом религиозных убеждений или посредством всяких иных ухищрений; преступление это карается лишением свободы на срок не менее 6 месяцев с конфискацией части имущества. Ведь, уклонение от правил учета можно рассматривать и как уклонение от воинской повинности посредством всяких иных ухищрений, о которых говорит ст. 81 Уголовного Кодекса.

Таким образом, мы приходим к выводу, что хотя в Уголовном Кодексе и нет определенных указаний на преступление—уклонение от правил воинского учета, но мы это преступление по аналогии можем рассматривать в порядке ст. ст. 205 и 81 Уголовного Кодекса, применяя наказание ст. 205, как более серьезное, к более серьезным делам, а ст. 81, как более мягкое, к более мелким делам. И народному суду, конечно, в каждом отдельном случае придется устанавливать точно и определено: какой статьей ему руководствоваться в данном случае. И, придерживаясь этих статей, в определении наказаний будет допущен maximum справедливости.

Плюшков.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. Практика Высшего Судебного Контроля.

Обязательность силы решения народного суда.

Саратовским ревтрибуналом направлено было 9 го апреля 1921 г. в народный суд 5 участка Аткарского уезда дело о незаконном выселении из своего дома гражданки Шумаевой и конфискации у нее разного рода имущества.

Народным судом были привлечены в качестве обвиняемых по настоящему делу начальник районной милиции, предволисполкома и член РКП, участвовавшие в вышеуказанных незаконных деяниях. Приговором народного суда от 3 июня обвиняемые признаны по суду оправданными, а дом и имущество, отображенные у гражданки Шумаевой, постановлено ей возвратить, причем милиции, занявшей означенный дом, дан двухнедельный срок на выселение. Приговор обжалован не был, и по вступлении его в законную силу был выдан Шумаевой исполнительный лист, однако, милиция отказалась подчиниться решению суда, а заместителем заведующего отделом управления было предписано начальнику милиции при попытках приведения приговора и исполнение арестовать предъявителя исп. листа и доставить в уисполком. В деле имеется заключение губернского отдела юстиции, разъясняющее волисполкому незаконность выселения гр. Шумаевой и конфискации у нее вещей и предлагающее привлечь к судебной ответственности лиц, виновных в незаконных деяниях.

Приговор народного суда вынесен в полном согласии с действующими законами и с обстоятельствами дела и указание консультанта губотюста в его заключении от 15 ноября 1921 г. на обязанность суда привлечь милицию по настоящему делу, как заинтересованную в его исходе, неосновательно, так как в числе обвиняемых находятся начальник районной милиции, как должностное лицо, который должен был защищать не только свои личные интересы, но и интересы того органа, начальником которого он является, и ему было предоставлено право обжалования приговора во всех его частях. Но и независимо от наличия каких-либо нарушений в деле милиция, как всякое другое государственное учреждение, обязана безоговорочно подчиниться судебным приговорам, вступившим в законную силу, и предложение зам. заведующего отделом управления о неподчинении приговору суда и аресте лиц, которые будут пытаться приводить его в исполнение, является грубым нарушением закона и умаляет авторитет суда.

На основании изложенного ВСК определил:

приговор народного суда 5 участка Аткарского уезда оставить в силе и предложить губ. отделу юстиции привлечь к судебной ответственности всех лиц, предъявлявавших приведению приговора в исполнение.

(Определение по угол. делу № 110—1922 года).

ХРОНИКА. НА МЕСТАХ.

Петроградская губ.

Губотпост с целью поднятия продуктивной работы органов юстиции, организовал дискуссионные занятия и практические работы с сотрудниками судебных учреждений. Собрания происходят два раза в неделю от 4—6 часов вечера по заранее объявленной на каждый раз программе занятий. Посещение собраний для нарсудей и нареледов обязательно. Для дальнейшего углубления работы предполагается издание юридического журнала и организация юридической библиотеки.

Северо-Двинская губ.

Принимая во внимание, что многие народные судьи работают в той местности, откуда происходят по рождению, что в некоторых случаях вредно отражается на деле, а также ввиду того, что продолжительность службы в одном месте порождает «кумовство», коллегия губотпоста постановила сделать переброску нарсудей из одного участка в другой.

Пленум губисполкома постановил: в целях устранения параллелизма в руководстве местами заключения передать лагерь принудительных работ в ведение органов НКЮ.

Ярославская губ.

Пленум губисполкома постановил: 1) организовать особую сессию по гражданским делам при губсовнарсуде, 2) передать в губсовнарсуд функции судебно-следственного п/отдела, 3) войти с ходатайством в губстатную комиссию об увеличении пайков на судебно-следственный п/отдел ГСНС. и особую сессию по гражданским делам при ГСНС.

Кабардинская автономная область.

Рабоче-крестьянская инспекция констатирует, что местные нарсуды около двух месяцев находились в состоянии почти полной дезорганизации и бездействия ввиду того, что постановлением пленума облисполкома все нарсуды были закрыты, а дела было предложено сдать в отдел юстиции, каковому было поручено произвести реорганизацию нарсудов. В настоящее время нарсуды, сформированные после двухмесячного перерыва, вне установленного законом выборного начала, вынуждены принять в свое производство большое количество как не разрешенных прежними нарсудами дел, так и вновь поступивших за время перерыва, а также переданных из совнарсуда, вследствие отмены значительного количества первоначальных приговоров нарсудов. При отсутствии квалифицированных работников и при наличии штате 4-х нарсудов на всю область, создавшееся положение влечет непреодолимое затруднение в деле налаживания судебного аппарата и своевременного удо-

влетворения местного населения в охране его правовых интересов.

Тюменская губ.

Главнейшими дефектами в работе органов юстиции являются: отсутствие авторитета суда, слабая постановка дела, отсутствие опытных работников и недостаток пособий и кредитов.

С целью устранения указанных недостатков губком постановил: 1) предложить губэконосо принять срочные меры к материальному обеспечению в полной мере органов юстиции из местного фонда, 2) президиуму губкома предложить выделить необходимое количество развитых товарищей и командировать их в распоряжение губюста, 3) предложить всем улкам через губисполком и исполком оказывать самое широкое содействие работникам юстиции в укреплении судебно-следственного аппарата и авторитета суда.

В результате было увеличено количество органов юстиции, что имеет громадное значение, ввиду обширности территории губернии. Вместо 29 нарсудов учреждено 39, число следственных участков увеличено с 13 до 30, кроме того, учреждены 6 должностей следователей по важнейшим делам и коллегия судебных исполнителей в составе 7-ми человек. Число сотрудников увеличилось с 254 до 384-х человек, т.е. на 52%. К сожалению, губотпост не доказал необходимости увеличения штатов цифрами количества дел.

Число гражданских дел с введением гербового сбора сократилось на 75—100%. Ставки гербового сбора на практике оказались настолько высокими, что совершенно не соответствуют экономическим ресурсам населения. Для беднейшего класса населения введение таких ставок равносильно отказу от правосудия.

Вятская губ.

Особой сессией губсовнарсуда и губревтрибунала за март, апрель и май месяцы рассмотрено 16 дел. Из 65 человек обвиняемых приговорены: к расстрелу—12, лишению свободы—48 ч., денежному взысканию—1 и остальные к другим видам наказания.

Иркутская губ.

Личный состав работников юстиции разделяется: 1) по профессии: старых судебных работников—55%, канцеляристов—29%, рабочих—10%, учителей—6%, 2) по партийности: коммунистов—26%, меньшевиков—10%, беспартийных—73%, 3) по образованию: юристов—54%, среднее—18%, высшее—28%.

ЗА РУБЕЖОМ.

Реакционная политика Франции в Тунисе.

«L'Humanité» от 12-го мая сообщает любопытный эпизод, имевший место в Тунисе (Африка). В связи с приездом Президента Французской Республики в Тунис полицией принимались усиленные меры охраны, производились аресты и обыски. Был арестован

редактор коммунистической газеты Лузон за опубликование брошюры на арабском языке, в которой он, якобы, посягал на права Французской Республики в Тунисе и нарушил декрет 1884 г., направленный против «посягателей на личность бей, на семью бей,

на религию и на права Французской Республики в Тунисе». Вместе с Лузоном был арестован арабский поэт Эль Кефи. К нему было предъявлено обвинение в нарушении декрета 26 августа 1917 г., запрещающего разжигание и возбуждение расовой ненависти. Исправительным судом первой инстанций Лузон был приговорен к 8 месяцам тюрьмы, а Эль Кефи к 5 месяцам, апелляционный суд Алжира оправдал Эль Кефи, Лузон же за напечатание брошюры был приговорен к 6 месячному тюремному заключению. Защитник Лузона старался доказать обоснованность многих положений, выдвигаемых Лузоном в его брошюре. Действительно, между французскими колонистами и туземцами не существует равенства в области налогов, правосудия и политических прав.

Так, например, с 4 января 1922 г. все газеты, издающиеся на арабском языке, подвергаются предварительной цензуре.

Специальный декрет запрещает распространение всякого печатного произведения с изображением серпа и молота.

В результате этого процесса распоряжением министерства Тунисская секция Коммунистического Интернационала была распущена за нарушение декрета от 15 сентября 1888 г., вменяющего ассоциациям в обязанность испрашивать при своем возникновении разрешение правительства. До сих пор, однако, этот декрет не применялся по отношению к политическим организациям.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Бронницкому убоисту. 1) Несовершеннолетний, находящийся у матери, вышедшей замуж за другого, не имеет прав на имущество своего отчима и поэтому он не лишен права на получение имущества, входившего в состав трудового хозяйства своего отца. На время его несовершеннолетия должна быть учреждена опека, которая может сдавать это имущество временно в аренду согласно нового Положения о трудовом земледелии, опубликованного в Изв. ВЦИК № 130 от 14-го июня с. г., употребляя доходы на воспитание и содержание несовершеннолетнего.

2) По расторжении брака жена имеет право на содержание из имущества своего мужа лишь в случае своей нетрудоспособности, на выдел некоторой части, соответствующей по размерам количеству труда, вложенного ею на улучшение общего хозяйства за время совместной жизни и на возврат своего приданого. Никаких других прав она иметь не может, так как общности имущества между супругами не существует. Более подробные разъяснения приведены в «Еженед. Сов. Юст.» № 14—15, ст. «Вопросы действ. семейного права».

Председателю Саратовского совнарсуда. Циркуляр НКЮ № 16 направлен к тому, чтобы все вопросы, в том числе имеющие принципиальный характер, возникающие на местах, обсуждались и разрешались в губернских центрах, каковыми в настоящее время являются отделы юстиции. Сепаратные запросы отдельных местных органов юстиции в Наркомюст вносят дезорганизацию, тем более, что при разрешении таких вопросов Наркомюсту в большинстве случаев необходимо иметь заключение отдела юстиции. Циркуляр № 16 вместе с тем не закрывает возможности для всех органов юстиции обращаться непосредственно в НКЮ, если их запросы и жалобы останутся без надлежащего ответа со стороны губюста. Совнарсуды, как центральные губернские органы, не лишены этим циркуляром права обращаться непосредственно в НКЮ, но нельзя не признать весьма полезным, чтобы и они вносили принципиальные вопросы на предварительное обсуждение в коллегию губюста для установления в деятельности местных органов юстиции полного контакта.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ С. Н. К.

Об изменении сумм судебных пошлин.

На основании ст. 3-й постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об отмене исчисления в довоенных рублях Совет Народных Комиссаров постановляет:

Внести следующие изменения в ст. ст. 96, 97 и 102 Положения о Народном Суде, установленные постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Советом Народных Комиссаров от 3-го февраля 1922 г. («Известия ВЦИК» № 41 за 1922 г.):

Ст. 96. Судебная пошлина взыскивается при цене иска от 1,000 р. до 50,000 руб. выпуска 1922 г. — в размере 1 проц., при цене иска от 50,000 руб. до 500,000 руб. — в размере 2 проц., при цене иска свыше 500,000 руб. — в размере 3 проц. цены иска. Иски ценою менее 1,000 р. от обложения судебной пошлиной освобождаются.

Примечание 2. При исчислении судебной пошлины неполные рубли исковой суммы принимаются за полные.

Ст. 97. Размер судебной пошлины с исков, не подлежащих оценке, определяется народным судом при постановлении решения по существу дела, но не может быть ниже 100 рублей и выше 1,000 руб. По делам бесспорного производства пошлина взыскивается в размере 100 рублей.

Ст. 102. За изготовление и засвидетельствование этих копий взыскивается с лиц, получающих таковые, сбор в размере 25 рублей с листа.

За Председателя Совета Народн. Комиссаров
А. Цюрупа.

Зам. управляющего делами **В. Смольянинов.**
Секретарь **Л. Фотиева.**

Москва, Кремль, 2 июня 1922 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ В. Ц. И. К.

Об амнистии недоимщикам по трудгужповинности за 1921 и предшествующие годы.

В связи с переходом от трудгужповинности к трудгужналогу (декрет СНК от 22/VI 1921 г., «Собр. Узак.», ст. 658) и в соответствии с состоявшимся уже освобождением недоимщиков по трудгужповинности от натурального взимания недоимок (телеграммы

зампред. СТО № 1002 от 4 января и № 1086 от 9 февраля 1922 г.) Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

Даровать амнистию недоимщикам по труджуповинности за 1921 г. и предшествующие годы на следующих основаниях:

1. Прекратить все производящиеся в судебных и административных учреждениях дела о невыполнении труджуповинности.

2. Не обращенные к исполнению приговоры судебных учреждений и постановления административных органов в исполнение не приводить.

3. Освободить от дальнейшего отбывания наказания лиц, приговоренных по делам о невыполнении труджуповинности к лишению свободы или принудительным работам.

4. Действие настоящей амнистии не распространяется на имущественные взыскания, приведенные в исполнение до опубликования настоящего постановления.

Председатель ВЦИК М. Калинин.

Секретарь ВЦИК А. Енукидзе.

Москва, Кремль, 8 июня 1922 г.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 50.

Комиссариатам юстиции с. с. республик: Белорусской, Дагестанской, Крымской, Татарской, Туркестанской; отделам юстиции автономных областей: Башкирской, Вотского народа, Кабардинской, Калмыцкой, Карачай-Черкесской, Киргисской, Коми и Якутской, Корельской трудов. коммуны, а также Терской области, и отделам юстиции губисполкомов: Архангельского, Астраханского, Витебского, Вологодского, Вятского, Гомельского, Енисейского, Иваново-Вознесенского, Мурманского, Новгородского, Новониколаевского, Олонецкого, Омского, Северо-Двинского, Томского, Тюменского, Челябинского, Череповецкого.

О порядке командирования на бесплатные вакансии на факультетах общественных наук в университетах
Р. С. Ф. С. Р.

В настоящее время Наркомюстом получен от Главпрофобра список высших учебных заведений с указанием числа бесплатных вакансий, предоставленных Народному Комиссариату Юстиции в каждом из этих заведений в наступающем 1922—23 учебном году. Каждый университет прикреплен к известным районам. Главпрофобр рекомендует предоставлять бесплатные вакансии не только советским служащим из ближайших местностей, но и из отдаленных, с тем, чтобы дать возможность и этим последним получить высшее образование. Народный Комиссариат Юстиции вполне разделяет такую точку зрения и при развертке вакансий предоставляет в настоящем учебном году бесплатные места в университетах судебным работникам преимущественно из наиболее отдаленных местностей, более всего нуждающимся в юридическом образовании, имея ввиду в ближайшие годы дать возможность поступления в университет и другим деятелям юстиции. Ввиду этого бесплатные вакансии распределены Народным Комиссариатом Юстиции следующим образом, считая по одной вакансии для каждого губернского отдела юстиции или комиссариата юстиции с. с. республик: в Донской университет: всего 5 вакансий, отделам юстиции Кабардинской и Карачай-Черкесской автономной области, а также отделу юстиции Терской области и комиссариатам Дагестанской и Крымской с. с. республик: в Иркутский университет всего 7 вакансий: отделам юстиции губисполкомов Енисейского, Новониколаевского, Омского, Томского, Тюменского, Челябинского, а также автономной Якутской области; в Казанский университет всего 3 вакансии: Ком-ату Юстиции Татарской С. С. Республики и отделам юстиции автономных

областей Коми и Вотского народа; в Московский университет всего 7 вакансий: отделам юстиции Архангельского, Вятского, Вологодского, Гомельского, Иваново-Вознесенского и Северо-Двинского губисполкомов, а также Ком-ату Юстиции Белорусской С. С. Республики; в Петроградский университет всего 6 вакансий: отделам юстиции Витебского Мурманского, Олонецкого, Новгородского и Череповецкого губисполкомов, а также Корельской трудовой коммуны; в Саратовский университет всего 4 вакансии: отделам юстиции Астраханского губисполкома, а также Башкирской, Калмыцкой и Киргисской авт. областей и в Туркестанский университет все 3 вакансии Туркестанской С. С. Республики.

Согласно этой развертке командирование на бесплатные вакансии производится непосредственно губернскими или областными организациями. Командируемые в университет судебные работники подвергаются испытанию их знаний в объеме программы рабочего факультета (Рабфака). Учреждения, которым предоставлено известное число мест по развертке, вызывают желающих, из которых производят отбор по принципу классовой принадлежности и общего уровня развития. Из лиц, пользующихся бесплатным обучением, только часть может пользоваться стипендиями.

Для технического проведения приема в наступающем учебном году учреждаются центральная приемная комиссия при Главпрофобре и местные приемные комиссии при каждом высшем учебном заведении. Заявления о командировках от учреждений и от частных лиц о желании поступить в университет подаются непосредственно в университет (правовое отделение факультета общественных наук) с 1-го июня по 1-ое августа. После 1-го августа начинаются приемные экзамены.

В виду изложенного Народный Комиссариат Юстиции предлагает всем названным выше отделам и комиссариатам юстиции немедленно приступить к осуществлению предоставленного им права командировать избранного ими кандидата в соответствующий университет для бесплатного обучения на правовом отделении факультета общественных наук, приняв все меры к тому, чтобы таким кандидатом являлось лицо вполне достойное как по своей классовой принадлежности, так и по своему развитию и подготовке к предстоящему ему испытанию. Каждый кандидат должен быть снабжен командировочным удостоверением за подписью комиссариата с. с. р. или губотюста.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

17 июня 1922 г.